

Миска каши из дикорастущих трав

Сильный снег то прекращался, то снова начинал идти — казалось, он будет сыпать всю ночь без передышки.

Во многих домах деревни Юньси по-прежнему были глинобитные стены и соломенные крыши. Люди боялись, что под тяжестью снега крыши не выдержат и рухнут среди ночи, поэтому вставали и сгребали снег.

Двое молодых мужчин из семьи Лю тоже вышли на холодный ветер и очищали толстый слой снега.

— Ладно, пойдём внутрь спать, — сказал Лю Мэн, спускаясь с лестницы. Заметив, что младший брат направился не в дом, а на кухню, он потер руки и спросил: — Ты чего не идёшь? Что забыл на кухне?

В печи тлели слабые угли. Лю Ху подошёл к ней, протянул руки к теплу и ответил:

— Замёрз до костей. Сначала согреюсь, потом пойду.

Лю Мэн усмехнулся:

— Женился — и сразу изменился? Теперь уже знаешь, как о себе заботиться. Грейся тогда. Я пошёл спать. Завтра рано вставать — к помещику Чжану на работу.

Лю Ху кивнул. Когда огонь в печи окончательно погас, он почувствовал, что согрелся достаточно.

В западной комнате Сун Тинчжу ещё не спал. Он лежал на боку лицом к стене, и, услышав, как открылась дверь, невольно крепче сжал край одеяла.

Это был его первый раз, когда он делил постель с мужчиной. С тех пор как умерла мать, даже бабушка Лю не была к нему так близко.

Мужчина за его спиной тихо забрался на кровать, стараясь не разбудить его, и лишь подтянул на себя край одеяла.

Сун Тинчжу тихо вздохнул и повернулся, накрывая его:

— В такую стужу ты что, собираешься простудиться, укрывшись одним уголком?

— Я не хотел тебя разбудить, — прошептал Лю Ху.

— Проснусь — снова усну.

Кровать, которая едва сохраняла тепло, мгновенно стала уютной, стоило мужчине лечь рядом — словно рядом оказался большой живой обогреватель. Сун Тинчжу стало клонить в сон.

— Жена?..

Через некоторое время тихо позвал Лю Ху.

Не получив ответа, он приподнялся и задул свечу.

—

На следующий день стояла ясная, солнечная погода. Семья Лю с раннего утра занялась уборкой двора. После завтрака Лю Мэн отправился работать к помещику Чжану, а Лю Дашэн с Лю Ху пошли в город искать подработку.

Жуань Сюлянь с невесткой покормили кур и уток, затем сели во дворе на солнце вышивать. Лю Сяомэй играла с трёхлетним племянником, плетя из соломы кузнечиков.

Закончив вышивать платок, Тан Чуньсин потёрла затёкшие плечи и бросила взгляд на западную комнату.

— Мама, почему брат Чжу ещё не встал? Надеюсь, ничего не случилось.

Жуань Сюлянь тут же сплюнула:

— Новый год ещё не закончился, не говори таких дурных слов!

Но, если бы не напоминание невестки, она бы и забыла, что в доме теперь есть ещё один человек.

— Линчжи, сходи посмотри, проснулся ли твой зять.

— Хорошо!

Лю Сяомэй передала соломенного кузнечика Ся гэру и, придерживая юбку, побежала к западной комнате.

— Зять?.. — осторожно постучала она. Не услышав ответа, прижалась ухом к двери.

— Всё ещё спит? — пробормотала она и уже собиралась уходить, как изнутри раздался приятный, но слабый голос:

— Входи.

В комнате Сун Тинчжу сидел, прислонившись к изголовью, укутанный в одеяло. Лицо его всё ещё было бледным, губы бескровны — он напоминал неземное существо, почти лишённое жизненной силы.

Увидев его, Лю Сяомэй замерла. Девочке было одиннадцать-двенадцать лет — возраст, когда особенно ценят красоту. Вчера, когда ветер сорвал с него покрывало, она была поражена его внешностью и с тех пор не могла перестать о нём думать. Теперь же, увидев его так близко, она одновременно растерялась и обрадовалась, но в её сердце поднялась тревога.

Зять выглядел очень больным — его запястья были не толще её собственных.

Сун Тинчжу заметил, что она молча смотрит на него, и слегка улыбнулся:

— Ты, должно быть, Лю Сяомэй.

— Да, — кивнула девочка, и на её тёмном худом лице появился застенчивый румянец. — Мама велела посмотреть, проснулся ли зять.

Сун Тинчжу прикрыл рот и тихо кашлянул. Он ещё не успел ничего сказать, как Лю Сяомэй

вскрикнула:

— Ой! Второй брат перед уходом сварил для тебя лекарство. Оно стоит на печи, чтобы не остыло. Я сейчас принесу! И еду тоже!

С этими словами она выбежала.

Девочка двигалась быстро и вскоре вернулась с лекарством. В руках у неё была и миска жидкой каши с плавающими листочками трав.

Сун Тинчжу хорошо выспался ночью, и утром чувствовал себя чуть лучше — даже аппетит появился.

Пока он ел, он заметил, что за спиной Лю Сяомэй кто-то выглядывает. Присмотревшись, он увидел маленького мальчика.

Это, должно быть, Ся гэр — сын старшего брата Лю Ху. Вчера, в полубессознательном состоянии, он слышал, как старшая невестка говорила, что уедет с ребёнком к родителям. Похоже, она осталась.

— Ся гэр, чего ты прячешься? — Лю Сяомэй подтолкнула его вперёд. — Зять, это Ся гэр. Он стеснительный и боится чужих, но это не потому, что ты ему не нравишься.

Мальчик был маленький и худой. Даже через ватную одежду было видно, что он недоедает. Щёки у него были слегка пухлые, из-за чего он выглядел особенно милым.

Заметив, что он смотрит на миску, Сун Тинчжу спросил:

— Ты голоден?

Ся гэр покачал головой:

— Нет...

Голос его был тихим, а взгляд — полным любопытства. Но едва он сказал это, как его живот громко заурчал.

Мальчик поспешно прикрыл живот, смутившись.

Сун Тинчжу тихо рассмеялся и похлопал по краю кровати:

— Иди сюда.

Ся гэр нерешительно подошёл. Сун Тинчжу протянул ему ложку ароматной каши.

Он на мгновение замялся, затем сглотнул и тихо произнёс своим ещё детским голосом:

— Ся гэр не голоден... дядя пусть ест.

Лю Сяомэй тоже стала уговаривать:

— Эту кашу мама специально приготовила для мужа невестки. Ся гэр уже позавтракал.

Но ведь каши больше не было...

Ся гэр был ещё мал и не умел скрывать мысли. Его ясные глаза не отрывались от миски, он то и дело сглатывал слюну.

Сун Тинчжу изначально думал, что в семье Лю все едят одно и то же, и не ожидал, что к нему отнесутся по-особенному. Он слегка нахмурился и мягко спросил у Ся гэра, что тот ел на завтрак.

Ся гэр стал загибать пальцы:

— Пирожки с дикими травами, суп из диких трав и мясо. Ся гэр съел два кусочка!

Глаза мальчика засияли, но у Сун Тинчжу сжалось сердце. Он протянул миску Ся гэру и, погладив его по голове, сказал:

— Я не смогу всё съесть. Нехорошо выбрасывать еду, помоги дяде доесть.

— Хорошо~

Ся гэр бережно держал миску с кашей, его маленькие ножки свисали с кровати и тихонько покачивались, а узелок на макушке качался вместе с ними.

Сун Тинчжу протянул руку и коснулся его, затем повернулся к Лю Сяомэй:

— Разве вчера у вас не был пир? Почему ничего не осталось?

Лю Сяомэй ответила:

— Вчера все разошлись рано, еду даже не успели подать. Мама боялась сплетен, поэтому утром мы с невесткой всё раздали, оставили только то, что может храниться.

Девочка, наблюдая за его выражением лица, тихо добавила:

— У нас в семье мало денег. Мама говорит, нужно копить на землю и семена. Еду тоже надо экономить. Когда второй брат весной найдёт постоянную работу, станет легче.

Сун Тинчжу кивнул, думая о том, что если бы не этот брак, жизнь семьи Лю не была бы такой тяжёлой.

Хотя он жил в отдельном дворе, он понимал, насколько трудно живётся крестьянам. Для семьи Сун десять лянов серебра — пустяк, но семье Лю пришлось бы трудиться несколько лет, чтобы заработать такую сумму. А теперь деньги ушли, а взамен им достался больной человек. Если бы они затаили обиду, он не стал бы их винить.

Ся гэр уже съел половину каши и теперь осторожно вылизывал дно миски. Глядя на него, Сун Тинчжу ощутил тепло в сердце и невольно погладил его желтоватые волосы.

— Вкусно?

— Вкусно. — Глаза Ся гэра превратились в полумесяцы. — Спасибо, дядя~

— Не за что.

Провалявшись почти всё утро, Сун Тинчжу заскучал. Он посмотрел на окно, заинтересовавшись внешним миром. Вчерашняя суматоха оставила в голове гул, и он не успел

ничего разглядеть. Он лишь помнил, что закат был красив — красивее, чем любой, что он видел в Сюньяне.

— Сяомэй, открой, пожалуйста, окно.

Лю Сяомэй нахмурилась:

— Нельзя. Второй брат сказал, что муж невестки ещё слаб, ему нельзя на холод.

— Только на минутку.

Сун Тинчжу был так красив, что, встретившись с его взглядом, Лю Сяомэй покраснела до ушей. Она надула щёки и подняла палец:

— Только ненадолго! Если подует ветер, я сразу закрою!

Сун Тинчжу улыбнулся:

— Хорошо.

Жуань Сюлянь и её невестка сидели у стены двора и вышивали. Увидев, что окно в западной комнате открыто, они недовольно нахмурились.

— Почему окно открыто? Быстро закрой.

— Да, муж невестки и так болен. Если простудится, придётся тратить ещё больше денег на лекарства.

— Поняла... — Лю Сяомэй обиженно надула губы после упрёка и уже собиралась закрыть окно, как вдруг мягкий голос остановил её:

— Мама, невестка, это я попросил Сяомэй открыть. Здесь душно, хотелось впустить свежий воздух.

Жуань Сюлянь вспомнила слова доктора Чжоу о том, что нельзя всё время держать окна закрытыми, нужно иногда проветривать, и кивнула:

— Ладно. Сидеть всё время взаперти тоже нехорошо. Линчжи, побудь с мужем невестки, поговори с ним.

— Хорошо.

Тан Чуньсин холодно заметила:

— Курятник ещё не убран. Некогда болтать.

Жуань Сюлянь взглянула на неё:

— Почему это должна делать Сяомэй? В доме есть и другие. Ты же только что жаловалась, что от вышивки глаза болят. Вот и иди — уберёшь курятник, заодно отдохнёшь.

Лицо Тан Чуньсин помрачнело, но ей пришлось неохотно встать.

Во дворе снова воцарилась тишина. Сун Тинчжу, наблюдая за происходящим, наконец понял,

насколько тяжела жизнь семьи Лю. Этот маленький двор был не больше кладовой в доме семьи Сун.

А его новый муж ещё говорил, что будет зарабатывать деньги, чтобы лечить его болезнь... Даже богатая семья Сун не смогла его вылечить — что уж говорить о семье Лю, живущей в глинобитном доме без нормальной крыши.

Сун Тинчжу сжал кошелек, спрятанный под подушкой. Его глаза, и без того лишённые блеска, стали неподвижными, как мёртвое озеро — ни единой ряби.

<http://bllate.org/book/17218/1612714>